

«ХАЗАРСКИЙ МИФ» У ЕВРАЗИЙЦЕВ И Л.Н. ГУМИЛЕВА

© 2021

Быстрыков В.Ю.

Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. Проблема преемственности всегда являлась актуальной темой в евразийской историографии, и имя Л.Н. Гумилева упоминалось в этом контексте наиболее часто. Некоторые исследователи признавали идейную связь между ними, другие отвергали преемственность и разводили их по разным идейным мирам – русской философии начала XX в. и советского сциентизма середины XX в. Для сравнения идей евразийцев и Л.Н. Гумилева используется один из сюжетов – оценка роли Хазарского каганата в истории восточных славян, тем более что и евразийцы, и Л.Н. Гумилев писали об этом. Г.В. Вернадский представлял историю Евразии как последовательный ряд попыток создать единое государство. В схеме ритмичности государствообразующего процесса в Евразии Хазария существовала в эпоху распада. Согласно версии Л.Н. Гумилева, хазар колонизировали представители персидской и византийской ветвей еврейского народа. Национальные традиции не давали смешиваться хазарскому и еврейскому этносам, что предопределило их различные судьбы. Обогатившись на посреднической торговле между Европой и Китаем, Хазарский каганат установил политическую власть над Волжской Булгарией и Киевской Русью, и только поход Святослава поставил точку в существовании этой «этнической химеры». Можно сказать, что методологический подход евразийцев и Л.Н. Гумилева к проблеме Хазарии был в корне различен и единственным объединяющим фактором было то, что эти события разворачивались на пространстве России-Евразии.

Ключевые слова: Русская эмиграция; евразийское движение; Россия-Евразия; историография евразийского движения; П.Н. Савицкий; Н.С. Трубецкой; Г.В. Вернадский; Л.Н. Гумилев; концепция этногенеза и пассионарности; «этническая химера»; Древняя Русь и Великая степь; Хазарский каганат; православие; иудаизм.

THE «KHAZAR MYTH» AS PERCEIVED BY THE EURASIANS AND L.N. GUMILYOV

© 2021

Bystryukov V.Yu.

Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

Abstract. A problem of continuity has always been a topical subject in Eurasian historiography and the name of L.N. Gumilyov appeared in this context most often. Some researchers recognized the ideological connection between the concept and Gumilyov, while the others rejected continuity and divided them: Russian philosophy of the early 20th century and Soviet scientism of the middle of 20th century. One of the plots is usually used to compare the ideas of the Eurasians and L.N. Gumilyov – it is an assessment of the role of the Khazar Kaganate in the history of the Eastern Slavs. Moreover, it was reviewed by the Eurasians and L.N. Gumilyov. G.V. Vernadsky presented the history of Eurasia as a consistent set of attempts to create a unified state. Khazaria existed in the era of disintegration in the context of the state-forming process in Eurasia, based on the principle of rhythm. According to L.N. Gumilyov, the Khazars were colonized by representatives of the Persian and Byzantine branches of the Jewish people. The mix of the Khazar and Jewish ethnic groups was weighed down by the national traditions, which became the determining aspect of their different destinies. The Khazar Kaganate established political power in the Volga Bulgaria and Kievan Rus, had benefited from the intermediary trade between Europe and China, and only Svyatoslav's campaign became a closure of existence of this «ethnic chimera». It can be said that the methodological approach of the Eurasians and L.N. Gumilyov to the problem of Khazaria was fundamentally different and the only unifying factor was that these events were unfolding in the space of Russia-Eurasia.

Keywords: Russian emigration; Eurasian movement; Russia-Eurasia; historiography of the Eurasian movement; P.N. Savitsky; N.S. Trubetskoy; G.V. Vernadsky; L.N. Gumilyov; concept of ethnogenesis and passionarity; «Ethnic chimera»; Ancient Russ and the Great Steppe; Khazar Khaganate; Orthodoxy; Judaism.

Проблема преемственности в творчестве евразийцев в отечественной историографии является одной из самых дискуссионных. Ее изучение имеет два вектора: вопрос о предшественниках и вопрос о преемниках. В первом случае в литературе представлены разные варианты, однако наиболее часто среди таковых звучали имена славянофилов Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева. Некоторые авторы весьма существенно расширяли этот список вплоть до старца Филофея и его посланий Василию III [1, с. 9]. Включение евразийцев в такую традицию автоматически влияло на статус и значение идей непосредственно евразийства, на отношении к ним исследова-

телей, в чьих работах явственно проступала «патриотическая трактовка» развития русской философии.

Не менее насыщено в историографии обсуждается вопрос о преемственности евразийских взглядов. Здесь также присутствует много вариантов с различным списком имен, но ключевое место занимает фигура Л.Н. Гумилева. Следует сказать, что он сам обозначил определенную направленность исследований, обозначая себя как «последнего евразийца» [2, с. 31].

Существуют три точки зрения по этой теме. Согласно первой, творчество Л.Н. Гумилева представляет мостик между классическим и современным евразийством. Эту идею, заявленную самим Л.Н. Гуми-

левым, подхватил А.Г. Дугин, дополнив ее красивой легендой о совместном пребывании в лагере П.Н. Савицкого и Л.Н. Гумилева. Представители этого направления по-разному трактуют его роль. Во-первых, идеи Л.Н. Гумилева представляются своеобразным буфером между классическим евразийством и неоевразийством 1990-х гг. В рамках этих подходов М.Е. Дымченко называет творчество Л.Н. Гумилева «связующим звеном» между евразийцами и неоевразийцами конца XX – начала XXI вв., несмотря на то, что он достаточно поздно познакомился с евразийскими работами [3, с. 198]. Один из биографов Л.Н. Гумилева – В.Н. Демин – пишет о том, что он всегда считал себя «евразийцем до мозга костей», завершителем классической евразийской традиции и родоначальником нового этапа евразийского движения [4, с. 137].

Особое место занимают работы В.А. Шнирельмана, ведущего российского специалиста по вопросам антропологии и этнополитики. Он возводит построения Л.Н. Гумилева к евразийству, однако в отличие от предыдущих авторов оценивает их весьма критически. В основе евразийских построений лежала теория культуры и цивилизационный подход. В.А. Шнирельман отмечает антисемитский уклон как в раннеевразийских текстах, так и в работах второй половины 1920-х гг. [5, с. 51]. Критикуя Запад за рационализм, бездуховность, «правопоклонничество», евразийцы связывали эти понятия с влиянием ветхозаветной традиции в западной философии. Русское мессианство, оценка революции 1917 г. и коммунизма упиралось в вопрос межкультурного взаимодействия и присутствовало в текстах всех основных представителей евразийства. Несмотря на наличие в построениях евразийцев нескольких тенденций, доминировала мысль о вселенском призвании русской культуры и особенно Православия. В этом евразийство было похоже на другие системы русского национализма [6, с. 10], и здесь же крылись корни враждебности большинства русских националистов по отношению к евреям. Тем не менее Н.С. Трубецкой и Л.П. Карсавин отвергали расистский подход и искали культурологическое решение еврейского вопроса. Последний находил аргументы для отнесения еврейства к евразийскому миру и вхождения в евразийскую федерацию. Однако эти построения не имели ничего общего с реальной действительностью и доказывали утопизм национальной доктрины евразийства. Ему были присущи черты, которые в том числе могли послужить питательной почвой для расизма и антисемитизма. Попытки разделения еврейской нации на западную и традиционалистскую части в рамках евразийской концепции замкнутости отдельных культур носили во многом искусственный характер, что и признавалось самим евразийцами [5, с. 62].

Все эти моменты отразились в творчестве Л.Н. Гумилева, поскольку в основе его концепций лежали типично евразийские идеи о закрытости этнических культур, их связи с ландшафтом, об их соподчиненности и т.д. Характеризуя концепцию пассионарности, В.А. Шнирельман схожесть методов евразийства и Л.Н. Гумилева видел в использовании методов средневековой мистики. Вместе с тем последний широко использовал биологические методы объяснения сложных социальных процессов, против чего выступали идеологи евразийства. В его работах присутствует тенденция искать негативные последствия в истории взаимоотношений различных культур с

евреями [5, с. 65]. В.А. Шнирельман отмечает совершенно разную оценку взаимодействия славян и Хазарского каганата Л.Н. Гумилевым и евразийцами, которые видели в этом или просто «любопытную страницу истории», или основу для сближения русских и евреев в современности. Интересно, что В.А. Шнирельман отмечает, что к началу 1980-х гг. в советской науке, абсолютно свободной от какого-либо евразийского влияния, сложилось убеждение об агрессивной политике Хазарского Каганата во главе с иудейской верхушкой по отношению к восточнославянским землям [7, с. 25].

Противоречия в концепции Л.Н. Гумилева объясняются отказом от теории прогресса (как и у ранних евразийцев) и использованием сугубо националистического метода, предопределявшего геополитическое видение смысла истории [5, с. 70]. В силу этого характеристика русско-ордынских отношений, также подпадавших под определение «этническая химера», трактуется Л.Н. Гумилевым исключительно в положительных тонах. Таким образом, «евразийский патриотизм» и биологизм толкает Л.Н. Гумилева к примитивному антисемитизму. В.А. Шнирельман отмечает и различия между евразийской концепцией и взглядами Л.Н. Гумилева. Причины культурных сходств евразийцы искали в межкультурных контактах и их обоюдном характере, для Л.Н. Гумилева определяющим фактором была генетика и однозначно отрицательное воздействие евреев на другие народы. Для евразийцев евразийская культура еще только нуждалась в формировании, у Л.Н. Гумилева она была сложившимся фактом уже в I тыс. н. э. [5, с. 76].

Современная историография накопила существенное количество работ, в которых оценка современного геополитического состояния России синкретическим способом перекликается с установками евразийства. Например, Н.В. Карпилена, излагая определенные моменты концепции евразийства и взгляды Л.Н. Гумилева, неожиданно делает вывод о возрождении последним евразийских идей и об их дальнейшем развитии А.Г. Дугиным [8, с. 63]. Продолжателем и интерпретатором идей евразийства называет Л.Н. Гумилева Ю.А. Сорокин, сама евразийская концепция стала краеугольным камнем его теоретических конструкций [9, с. 20]. Включение в классическое евразийство теории этногенеза и пассионарности превратило его в целостную научную теорию, своего рода базу для национально-государственной идеологии [10, с. 714].

Во-вторых, в литературе говорится о самостоятельном развитии Л.Н. Гумилевым вопросов, о которых писали евразийцы. Ряд авторов считает, что Л.Н. Гумилев не только популяризировал евразийство, но и создал свои самобытные и оригинальные идеи, связанные с теорией этногенеза, которые тем не менее тоже следует назвать евразийскими, поскольку в них говорится о «комплементарности» русского, монгольского, тюркского народов [11, с. 125]. О.С. Исаева пишет о попытке Л.Н. Гумилева развить евразийство в естественнонаучном направлении и связать его с естествознанием, отодвинув в сторону его метафизические установки. Л.Н. Гумилев воспринял от евразийцев две идеи: мультикультурализма и определения границ России-Евразии, отделявших ее от Западной Европы. Преемственность прослеживается в видении ритмичности исторического процесса [12, с. 120]. В итоге социо- и этнокультурные концепции

евразийцев получили в его работах второе рождение [13, с. 169]. С.А. Нижников считает, что в целом Л.Н. Гумилев поддерживал основные принципы евразийства и привнес в него теорию пассионарности и учение о влиянии биосферы на процессы этногенеза [14, с. 132]. В.Н. Рябцев также пишет о дополнении классического евразийства учением о «кормящем и вмещающем ландшафте» [15, с. 103]. Л.Н. Гумилев обогатил евразийство теорией этногенеза и учением о пассионарности, актуализировав евразийскую традицию, возродил евразийство и стал основателем неоевразийства [16, с. 145].

Такое понимание места Л.Н. Гумилева как транслятора евразийства в современное интеллектуальное поле было более характерно для историографии 1990-х гг. Несколько позже стали выходить работы, в которых такая преемственность ставилась под вопрос, и это составляет вторую точку зрения на эту проблему. Вышла целая серия работ, в которых мысль о преемственности идей евразийцев и Л.Н. Гумилева подвергалась детальному разбору. Авторы признавали ее, но видели далеко не во всем.

Например, М. Бассин видит сходство методологии Н.С. Трубецкого и Л.Н. Гумилева в характеристике национального единства Евразии. Верхний и нижний этажи евразийской культуры у Н.С. Трубецкого напоминали этнос и суперэтнос у Л.Н. Гумилева. Оба автора выстраивали единство Евразии как баланс между этнической индивидуальностью и суперэтнической общностью. Тождество являлось более полным при оценке верхнего уровня этой дихотомии, да и сама двухуровневая система и оценка самостоятельности каждого уровня вполне соответствовали у обоих авторов [17, с. 15]. М. Бассин также указывает на серьезные расхождения в методологии Н.С. Трубецкого и Л.Н. Гумилева. Для Н.С. Трубецкого, как и для евразийства в целом, главное значение имела наднациональная общность, основанная на общности исторической судьбы, Л.Н. Гумилева в первую очередь интересовали этнические субстраты суперэтносов, их индивидуальные отличительные черты, часто несочетаемые с другими этносами. Такой подход вел к более размытым границам Евразии и к определению евразийского единства как единства политического. Эта разница, по мнению М. Бассина, объяснялась различным контекстом эпохи создания евразийской концепции и построений Л.Н. Гумилева [17, с. 18]. Евразийство хотело сохранить идеологическую составляющую единой и неделимой России, для Л.Н. Гумилева более важным было отстаивание различий этносов, населявших СССР. И только угроза распада Союза в конце 1980-х гг. привела его к мысли о существовании единого суперэтноса в границах Советского Союза, фактически уравнивая его концепцию с построениями евразийцев.

К.Б. Ермишина указывает на различия взглядов П.Н. Савицкого и Л.Н. Гумилева в существенном ряде аспектов, но в то же время говорит и о едином понятийном поле, в котором строится методология двух авторов, которую можно обозначить как «энергетический онтологизм» [18, с. 74]. В.Ю. Ермолаев, опираясь на переписку П.Н. Савицкого и Л.Н. Гумилева, отрицает саму возможность построения отношений между ними по линии «ученик – учитель». Он отмечает разность подходов к историческому материалу, методам работы с ним и в то же время симпатии к концепции «Евразии». Вместе с тем отсутствие

научно-методологической преемственности не означало отсутствия вообще каких-либо связей. Такие связи В.Ю. Ермолаев видел в «евразийском чувствовании», влиянии идей П.Н. Савицкого на мироощущение и ценностные установки Л.Н. Гумилева [19, с. 210]. А.Ю. Дворниченко выделял и сходства, и различия в воззрениях евразийцев и Л.Н. Гумилева на древнерусскую государственность. Сходство состояло в том, что они в целом критически относились к домонгольскому этапу. Л.Н. Гумилев его не отрицал и признавал силу древнерусской государственности, однако свое внимание сосредотачивал на этнической истории, которая стала первостепенным фактором в изложении генезиса Киевской Руси [20, с. 117].

Третье направление составляет та часть авторов, которые отказывались видеть традицию и причислять идеи Л.Н. Гумилева к евразийским. В частности, М. Ларюэль не усматривала в Л.Н. Гумилеве «законного наследника евразийцев», считая, что его научная методология вовсе не сводится к доказательству существования особого мира России-Евразии и больше связана с советским этницизмом 1960–1970-х гг., нежели с русской философией начала XX в. [21, с. 6].

А.Б. Панченко считает, что Л.Н. Гумилев использовал схожие с евразийцами методологические установки, но не мог претендовать на статус «последнего евразийца», поскольку такую же позицию занимали и некоторые другие ученые. Вместе с тем А.Б. Панченко высказывает интересную мысль о необходимости ставить вопрос о преемственности взглядов более широко, не сводя их только к фигуре Л.Н. Гумилева, показать эволюцию «евразийского типа мышления» [22, с. 106].

Биограф Л.Н. Гумилева С.С. Беляков отмечает факт крайне скудного знакомства Л.Н. Гумилева с евразийскими текстами и того, что существенную часть их наследия он не знал и фактически не использовал труды Л.П. Карсавина, П.П. Сувчинского, Г.В. Флоровского, Н.Н. Алексеева. И даже на А. Тойнби у него ссылок больше, чем на Н.С. Трубецкого. Он использовал лишь некоторые идеи евразийства: о роли монгольского фактора в истории России, о необходимости объединения народов Евразии и о существовании особой евразийской общности. Религиозно-философские, политико-правовые, социально-экономические тексты евразийцев в работах Л.Н. Гумилева развития не получили [23, с. 22].

Конечно, мы представили не весь список авторов, так или иначе писавших о проблеме преемственности евразийских идей, но обозначили существующие направления исследования этого вопроса и привели наиболее типичные взгляды сторонников того или иного подхода. Следует сказать, что в значительном количестве работ имя Л.Н. Гумилева просто ставится в одном ряду с представителями евразийского движения, как уже устоявшийся факт, без какого-либо анализа. Вместе с тем попробуем сравнить методологию и фактическую составляющую концепции евразийцев и Л.Н. Гумилева относительно одного исторического сюжета, а именно – роли и значения Хазарского каганата в истории Евразии.

Следует сказать, что проблема отношений между Хазарией и Киевской Русью никогда остро в евразийской литературе не стояла. До Г.В. Вернадского профессиональных историков в движении не было, и поэтому Хазарский каганат упоминался фрагментар-

но. В.П. Никитин, характеризуя поход русов на Берда в 944 г., вообще ничего о нем не пишет [24, с. 106]. Изредка упоминает хазар П.Н. Савицкий, указывая, что пришельцы с востока постепенно вытеснялись последующими волнами. Так, гуннские и турецкие племена, к которым он относил хазар, вытеснили сарматов. В свою очередь, хазар вытеснили мадьяры и печенеги [25, с. 98]. Характеризуя державу скифов, ссылаясь на слова М.И. Ростовцева, он указывал на сходство в ее организации с Хазарским каганатом и Золотой Ордой. Это рассуждение лежало в основе тезиса о первичности месторазвития относительно генетического родства: таким образом, арийцы-скифы были ближе турецким и монгольским народам, нежели иранцам [26, с. 270].

Н.С. Трубецкой в своей работе «Наследие Чингисхана» писал о том, что Хазария в военно-экономическом отношении была более сильным государством, чем Киевская Русь. В отличие от П.Н. Савицкого, он относил Хазарский каганат к речным государствам, базировавшимся на одной водной системе (а данном случае – Волжской) и в силу этого неспособным возглавить объединительные тенденции на евразийском пространстве. В этом плане политическое значение Хазарии было идентично Киевской Руси, также базировавшейся на речной системе. Объединителем евразийского пространства могло стать только государство, использовавшее для своего расширения природные зоны, в частности степи. И Хазария, и Киевская Русь являлись продуктами распада евразийского пространства [27, с. 272].

Первый профессиональный историк у евразийцев – Г.В. Вернадский – периодически упоминал хазар в своих исследованиях. Характеризуя «века хазарского владычества», он писал, что они, вкуче с эпохой печенежских и половецких набегов, привнесли в русский язык определенные языковые заимствования [28, с. 17]. Возникновение Хазарского каганата Г.В. Вернадский связывал с распадом державы западных тюрок и с вакантным местом посредника между Средним Востоком и Причерноморьем, а также между арабским югом и славянским севером. Каганат распространял свою власть от Каспия и нижнего течения Волги и Оки до Черного моря и среднего течения Днепра, в IX в. он подчинил себе радимичей, вятичей и полян. Для быта хазар характерно смешение оседлого и кочевого начал, они вели полуоседлый образ жизни. Хазары занимались рыболовством, виноградарством и земледелием. Оживленная торговля вела к различным культурным влияниям. Опасаясь усиления арабского и византийского влияния, хазарский каган не принял ни ислама, ни христианства, остановив свой выбор на иудаизме [29, с. 33]. Г.В. Вернадский указывал, что на народы Евразии оказали влияние пять религий, из которых экспансия иудаизма была связана с двумя историческими моментами: с обращением в иудейство хазарского кагана и распространением «ереси жидовствующих» в XV в.

Хазарская эпоха (VI–IX вв.) характеризуется установлением прочного политического порядка в южнорусских степях и подчинением большинства восточнославянских племен. Благодаря этому росла восточнославянская колонизация, распространявшаяся вплоть до побережья Черного и Азовского морей. Политическая стабильность позволила обеспечить безопасность торговых путей в Приазовье и Приднепровье [28, с. 134]. Хазары установили администра-

тивную власть в большинстве славянских племен. В Киеве и крупных городах сидели хазарские наместники, окрестное население было организовано в самоуправляющиеся общины, отвечавшие за сбор дани и розыск преступников. Варяжские князья впоследствии использовали административный аппарат, созданный хазарами, в частности систему податного управления. Последнюю, в свою очередь, хазары, вероятно, восприняли от скифо-сарматской эпохи [28, с. 160].

Хазары боролись с арабскими завоевателями за влияние в Закавказье. Это привело к установлению союзнических отношений с Византией в VIII в. В X в. Хазарский каганат постепенно ослабел и не справлялся с набегами печенегов, крепнущим варяго-русским государством и Волжской Булгарией. Захват Олегом Киева, походы на северян и радимичей сделали его преемником хазарской власти и делало неизбежным противостояние с каганатом. Окончательный разгром Хазарского каганата связан с именем Святослава. В отличие от своих предшественников, он планировал прочно обосноваться в этом регионе, причем, если бы он остался в регионе, возможно, принял бы ислам или иудаизм [29, с. 41].

Падение каганата означало исчезновение силы, объединяющей лес и степь, печенеги и половцы уже выступали силой, враждебной лесу. Святослав хотел прочно объединить торговые пути Причерноморья и Прикаспия, подчинив себе хазарские земли. Однако византийцы вовлекли его в свои интриги, и он бросил эту местность ради балканских земель. Г.В. Вернадский считал показательным тот факт, что после разгрома Хазарии Святославом киевские князья приняли титул каганов [28, с. 134]. Святослав мог вполне заимствовать иудаизм, и «политическое развитие Евразии могло пойти бы совсем иначе, чем оно пошло в действительности» [30, с. 36]. Разрушение Хазарского каганата вынудило Рюриковичей самим заняться борьбой с кочевниками.

В работе «Начертание русской истории» Г.В. Вернадский представил схему русской истории, первый этап которой – до конца X в. – был связан с попытками объединения леса и степи, которые предпринимали и хазарские каганы, и варяго-русские князья [29, с. 21]. Хазарский каганат в этой схеме представлял собой государство, возникшее в период распада единой государственности – Гуннской империи – и существовавшее в системе государств, куда помимо них входили авары, волжские булгары, русы, печенеги и половцы [29, с. 16]. Такая же логика звучит и в работах П.Н. Савицкого. В частности, он писал о том, что история Евразии есть история культурно-политических унификаций [31, с. 124].

Совсем по-иному оценивал роль Хазарии Л.Н. Гумилев. Наиболее полно эта тема раскрыта в работе «Древняя Русь и Великая Степь». История каганата описана полностью в терминах концепции этногенеза и пассионарности. Л.Н. Гумилев считал, что в VII в. на Нижней Волге сложились оптимальные условия для этногенеза, в результате чего оформилась эластичная социальная система и вошедшие в нее этносы стали субэтносами хазар. В VII–VIII вв. хазары смогли отстоять свою независимость, отразив агрессию арабов и расширили свою державу до Дона, Яика и Кавказского хребта. В начале IX в. власть в каганате захватили представители пришлой еврейской диаспоры во главе с Обадией. Хань из тюркского рода перешли в иудаизм и стали играть цере-

мональную роль, фактически страной правили цари (малики, беки), потомки военачальника Булана, первого принявшего иудаизм. Все государственные должности были распределены между евреями. Неорганичные контакты на суперэтническом уровне породили зигзаг истории – «этническую химеру». Хазария превратилась в «противоестественное сочетание аморфной массы подданных с господствующим классом, чуждым народу по крови и религии» [32, с. 167]. Постепенно этническая химера превратилась в социально-политическую. Новая власть была вынуждена тратить большие деньги на содержание наемной армии. Эти доходы она получала благодаря транзитной торговле на пути из Китая в Европу, которая находилась в руках еврейских купцов, и путем захватов и получения дани с окрестных племен, в том числе славянских.

Оценивая более чем двухсотлетнюю историю Хазарии и окружавших ее стран, Л.Н. Гумилев однозначно отрицательно характеризует роль еврейских общин и особенно торговых кругов. Исключительную жестокость, которую проявляли и сторонники еврейского царя в Хазарии при подавлении восстаний против него, и русы в походе 941 г. на Византию, он относил к древней иудейской традиции. Представители еврейских общин, по его мнению, ради торжества своего этноса использовали «тайну и ложь, но только по отношению к гоям и акумам» [32, с. 176]. Еврейские купцы-рахдониты, проникавшие во все цивилизованные страны, сравнивались с метастазами, а в целом Хазария называлась «несчастною», поскольку попала под их власть.

Своего наивысшего могущества иудео-хазарское царство достигло на рубеже IX–X вв., и это означало катастрофу для этносов Восточной Европы, стоявших перед альтернативой: рабство или гибель. Славянские воины были вынуждены воевать за интересы иудейских купцов на Каспии и на Черном море. В IX в. купцы-рахдониты заключили своего рода союз с норманнами, покупая у них добычу и рабов. Русский каганат, считает Л.Н. Гумилев, должен был стать жертвой «этих двух хищников», и на столетие Киев стал ареной жестокой войны [32, с. 196]. То, что в «Повести временных лет» события этого времени никак не отражались, он считал отголосками поражения варягов и подчинения Киева Хазарии. В 940 г. полководец Песах вынудил киевского князя воевать против Византии. Жестокость, проявленная русами в походе 941 г., объяснялась, по мнению Л.Н. Гумилева, наличием хазарских инструкторов. После поражения, уцелевших русских воинов хазарские цари отправили воевать в крепость Бердаа, откуда на Русь уже никто не вернулся. Л.Н. Гумилев выдвинул предположение, что хазары просто перебили уцелевшие русские отряды после этого похода. Наконец, после долгой войны, русы во главе со Святославом разгромили Хазарский Каганат, чем, по сути, спасли русскую землю [32, с. 254]. Различные силы, опиравшиеся на поддержку «агрессивного иудаизма» – династия Каролингов во Франкнии, багдадский Халифат, Саманидский эмират, – сдали свои позиции, пути хазар и иудеев разошлись навсегда.

Таким образом, к середине X в. Хазарский каганат обложил данью многие соседние народы и достиг пика своего могущества. Поход Святослава в 964–965 гг. положил конец хазарской гегемонии. Волга, среднее течение Терека и часть среднего Дона бы-

ли исключены из «влияния еврейской общины», а Киевская Русь вернула себе независимость [33, с. 58].

В литературе представлена точка зрения, что такая «антихазарская», а по сути «антиеврейская» версия истории Восточной Европы объясняется антисемитизмом самого Л.Н. Гумилева. Это связано с тем, что следователями по делу отца и его самого были евреями по национальности, а также с некоторыми другими личными переживаниями [34, с. 301]. Однако здесь можно только строить предположения относительно каузальности того или иного подхода. Ведь один из лидеров евразийства – Н.С. Трубецкой – также придерживался антисемитских взглядов, однако он не создал ничего подобного «хазарскому мифу» Л.Н. Гумилева. [35, с. 23]. Возможно, тут строится доказательство от обратного: необходимость выстроить цепочку политических событий в странах Восточной Европы в X в. с учетом малочисленности источников привела к идее подчинения Киева хазарам. Логика такого подчинения выростала из агрессивности самого каганата, а она стимулировалась необходимостью денежных доходов для оплаты наемных войск и удержания власти в самой Хазарии привилегированным меньшинством. И уже здесь сработал тот бытовой антисемитизм, о котором писали биографы Л.Н. Гумилева.

Популярность гумилевских книг в 1980–1990-е гг. сделал его версию хазарской истории широко известной и прочно вошедшей в современное мифотворчество. Наименование «Хазария» стала мейнстримовским обозначением «диктатуры семибанкирщины» и «ельцинского безвременья» середины 1990-х гг. и прочно вошло на страницы таких одиозных газет, как «Завтра», или в работы таких авторов, как А. Проханов [34, с. 296]. «Тем самым Гумилев внес свой «вклад» в квазинаучное обоснование антисемитизма» [36, с. 29].

Таким образом, если сопоставить два видения небольшого территориально-временного отрезка истории Евразии, можно увидеть существенную разницу в методологии анализа исторического процесса. Для евразийцев хазары были типичными представителями евразийских степей, а каганат – одним из нескольких государств эпохи распада (Г.В. Вернадский). О роли еврейской диаспоры они вообще практически никогда не упоминали. Л.Н. Гумилев акцентировал внимание на других процессах, часть которых, как считается у некоторых авторов, он сочинил сам. Он исходил из своей теории этногенеза и пассионарности и представил абсолютно оригинальную версию взаимоотношений Хазарского каганата и Киевской Руси в IX–X вв. В рамках этой версии не было места рассуждениям о том, что существование на одном месторазвитии делает народы более близкими друг другу, нежели генетические связи, а если подобные рассуждения и использовались, то с совершенно других методологических установок. Здесь нет развития идей, поставленных евразийцами, поскольку они такой вопрос и не ставили. Налицо только самостоятельное, в смысле независимое от евразийских идей, создание «хазарского мифа». Если между двумя подходами и было что-то общее, то оно относилось к тому, что эти исторические события разворачивались в пределах России-Евразии. Таким образом, этот концепт является самым важным связующим звеном между концепцией евразийства и творчеством Л.Н. Гумилева.

Список литературы:

1. Пашенко В.Я. Евразийству – 80 лет // Вестник Московского ун-та. Сер. 7. Философия. 2001. № 4. С. 3–19.
2. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. 800 с.
3. Дымченко М.Е. Концепция пассионарности Л.Н. Гумилева в евразийском контексте // Научная мысль Кавказа. 2012. № 2 (70). С. 195–198.
4. Демин В.Н. Лев Гумилев. М.: Молодая гвардия, 2008. 352 с.
5. Шнирельман В.А. Евразийцы и евреи // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2010. № 1. С. 46–78.
6. Шнирельман В.А. Русские, нерусские и евразийский федерализм: евразийцы и их оппоненты в 1920-е гг. // Славяноведение. 2002. № 4. С. 3–20.
7. Шнирельман В.А. Неоевразийцы против хазар: особенности антисемитского дискурса в современной России // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2012. № 1. С. 21–43.
8. Карпилена Н.В. О пассионарности и евразийстве: развитие идей Л.Н. Гумилева и евразийцев // Гуманитарный вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения. 2018. № 1 (9). С. 59–68.
9. Сорокин Ю.А. Л.Н. Гумилев – последний евразиец? // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. науч. тр. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2016. С. 15–21.
10. Шен Й.Н. Развитие идейно-философской школы евразийства в творчестве Л.Н. Гумилева // Политика и общество. 2014. № 6. С. 708–719.
11. Матвеева А.И., Сарапульцева А.В. «Последний из плеяд...»: евразийские идеи Л.Н. Гумилева // Евразийский союз ученых. 2016. № 2–4 (23). С. 123–126.
12. Исаева О.С., Егорова Е.С. Классическое евразийство и Л.Н. Гумилев // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: мат-лы III междунар. науч. конф. М.: МХПИ, 2019. С. 116–120.
13. Исаева О.С. Творческое наследие Л.Н. Гумилева и классическое евразийство // Манускрипт. 2019. Т. 12, № 12. С. 169–173.
14. Нижников С.А. Движение евразийства и творчество Л.Н. Гумилева // Лев Николаевич Гумилев и современное евразийство: сб. статей, посв. 100-летию ученого / под ред. А.Г. Коваленко, В.А. Цвыка. М.: РУДН, 2013. С. 109–133.
15. Рябцев В.Н. Л.Н. Гумилев и П.Н. Савицкий: встреча двух поколений евразийцев – диалог через настоящее (очерк эпистолярного наследия) // Научная мысль Кавказа. 2013 № 2 (74). С. 101–108.
16. Шитихин П.П. Взгляды евразийцев и Л.Н. Гумилева на особенности цивилизационного развития России // Труды Нижегородской Духовной семинарии. 2009. № 7. С. 135–148.
17. Бассин М. Общность по Трубецкому или этнос по Гумилёву? // Вестник Евразии. 2007. № 4. С. 5–24.
18. Ермишина К.Б. Философия пространства и времени П.Н. Савицкого и Л.Н. Гумилева // Экономические стратегии. 2018. Т. 20, № 5 (155). С. 72–77.
19. Ермолаев В.Ю. Был ли Л.Н. Гумилев учеником П.Н. Савицкого? (по материалам писем Л.Н. Гумилева 1956–1961 гг.) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. № 1 (21). С. 205–212.
20. Дворниченко А.Ю. Евразийцы, Л.Н. Гумилев и проблема древнерусского государства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Спец. выпуск: к 100-летию со дня рожд. Л.Н. Гумилева. 2012. Октябрь. С. 108–119.
21. Ларюэль М. Когда присваивается интеллектуальная собственность, или О противоположности Л.Н. Гумилева и П.Н. Савицкого // Вестник Евразии. 2001. № 4. С. 5–19.
22. Панченко А.Б. Л.Н. Гумилев среди евразийцев: к вопросу о преемственности взглядов // Наследие Л.Н. Гумилева и судьбы народов Евразии: история, современность, перспективы: сб. ст. междунар. науч. конгресса, посв. 100-летию со дня рожд. Л.Н. Гумилева, СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. С. 103–106.
23. Беляков С.С. Евразийство Л.Н. Гумилева // Уральский исторический вестник. 2009. № 4 (25). С. 14–22.
24. Никитин В.П. Иран, Туран и Россия // Евразийский временник. Кн. 5. Париж: Евразийское книгоиздательство, 1927. С. 75–120.
25. Савицкий П.Н. О задачах кочевниковедения: почему скифы и гунны должны быть интересны для русского? // Толль Н.П. Скифы и гунны: Из истории кочевого мира. Прага: Евразийское книгоизд-во, 1928. С. 83–106.
26. Савицкий П.Н. Географический обзор России-Евразии // Савицкий П.Н. Избранное. М., 2010. С. 263–278.
27. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Трубецкой Н.С. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 268–333.
28. Вернадский Г.В. Звенья русской культуры. Ч. 1, вып. 1. Древняя Русь (до половины XV в.). Берлин: Издательство евразийцев, 1938. 280 с.
29. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Ч. 1. Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927. 235 с.
30. Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии с половины VI века до настоящего времени. Звенья Русской культуры. М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2005. 339 с.
31. Савицкий П.Н. Евразийская концепция русской истории // Савицкий П.Н. Континент-Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 123–126.
32. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. Кн. 1. М.: Институт ДИ-ДИК, 1997. 512 с.
33. Гумилев Л.Н. От Руси к России. М.: Институт ДИ-ДИК, 1887. 560 с.
34. Беляков С.С. Гумилев сын Гумилева: самая полная биография Льва Гумилева. М.: АСТ, 2013. 797 с.
35. Глебов С.В. Евразийство между империей и модерном: история в документах. М.: Новое изд-во, 2010. 630 с.
36. Шнирельман В.А., Панарин С.А. Лев Николаевич Гумилев: основатель этнологии? // Вестник Евразии. 2000. № 3. С. 5–37.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
Быстрыков Владимир Юрьевич , кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, права и методики обучения; Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация). E-mail: bokshich@yandex.ru.	Bystryukov Vladimir Yurevich , candidate of historical sciences, associate professor of World History, Law and Methods of Teaching Department; Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation). E-mail: bokshich@yandex.ru.

Для цитирования:

Быстрыков В.Ю. «Хазарский миф» у евразийцев и Л.Н. Гумилева // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 1. С. 271–276. DOI: 10.17816/snv2021101214.